

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЕ РИСКА В СОВЕТСКОМ НОРМАТИВНОМ ПОЛЕ

*Фидря Ефим Сергеевич**

Институт гуманитарных наук,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Цитирование: Фидря Е.С. (2017) Институционализация понятия и регулирование риска в советском нормативном поле. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(2): 40–61.

Аннотация. В данной работе рассматривается и анализируется динамика употребления категории «риск» в отечественных и международных нормативных документах советского периода. Теоретическую основу исследования составляет правительственный подход в социологии риска, основанный на работах М. Фуко, а также рамка теории «общества риска» У. Бека. При исследовании проблемы применены методы подсчета частоты встречаемости категории «риск» в нормативных актах и анализ документов, даны количественная и содержательная характеристика динамики репрезентации категории риска и подходов к его регулированию в административно-правовом поле.

В развитии представления риск-регулирования в нормативном поле автором выделяются три этапа: первая половина XX в., 1950-70-е гг. и 1980-е гг. Для раннего этапа характерно представление риска в домодернистском ключе, как внешней угрозы, с элементами страховочного подхода. На втором этапе в нормативном поле формируется и распространяется представление о риске как об объекте активного регулирования, а в управление рисками проникают принципы неолиберального подхода, подразумевающего активное участие самих социальных субъектов в избегании приписываемых им рисков. На третьем этапе указанные тенденции получают развитие, развивается практика международного регулирования новых глобальных техногенных рисков, а в нормативных актах получает широкое распространение эпидемиологический подход, направленный на превентивное избегание опасностей в сконструированных на основе статистически определенных риск-факторов профессиональных, демографических и географических группах риска.

На основе проведенного анализа делается вывод о формировании в отечественном нормативном поле характерного для общества риска специфического риск-диспозитива со стандартами, нормами, процедурами, формами и практиками оценки и регулирования рисков.

Ключевые слова: общество риска, нормативные акты, институционализация риска, правительственность, неолиберальный подход

* E-mail: EFidrya@kantiana.ru

Одной из популярных социологических теорий, объясняющих социальные трансформации второй половины XX в. (в первую очередь, в развитых государствах, но также и на глобальном уровне), является теория «общества риска» У. Бека (Бек 2000). Некоторые социологи уже в конце 1990-х гг. заявили о становлении в России общества риска (см., напр. Чупров и др. 2003: 36–44), подкрепляя это аргументами о нестабильности общества, обусловленной действием экономических, социальных и политических факторов (социальной аномии, кризисов экономических, политических и социальных институтов, разрушением систем производства и распределения благ), которая привела к нарушению социального воспроизводства и производства благ и заменой их производством рисков (например, падения жизненного уровня, экономической безопасности, политической нестабильности, социальной незащищенности, рисков здоровью и т. д.). Исследователи при этом ссылаются на У. Бека и его концепцию «общества риска» как состояния, возникающего в эпоху «поздней модернизации».

На наш взгляд, однако, сам по себе социальный, экономический и политический кризис в обществе и связанные с ним угрозы благосостоянию населения не являются специфической характеристикой общества риска (как, впрочем, и преодоление социального кризиса не означает выхода общества из состояния «общества риска»): они вполне характерны и для ранних индустриальных обществ, которые в процессе модернизации начинают производить риски. Особенность «общества риска» заключается в особом отношении общества к рискам, которое У. Бек описал в рамках концепции «рефлексивной модернизации» (*reflexive modernity*), подразумевающей критическую рефлексию общественных и политических институтов по поводу опасностей модернизации (Бек 2000: 14–15, 22).

Еще одной важной характеристикой «рефлексивной модернизации» является утрата наукой и другими «официальными» институтами безусловного авторитета и связанная с этим необходимость для индивидов формировать собственные суждения и оценки рисков (Beck 1994: 14). В этих условиях обывателям приходится постоянно сталкиваться с новыми рисками, в том числе созданными с помощью научно-технического прогресса, а в обществах идет постоянная борьба за формулирование и определение рисков, а также ответственности за них, которая неизбежно приобретает политическую окраску.

Таким образом, с учетом этих принципиальных характеристик «общества риска» говорить о его становлении и развитии вне поля власти и административного регулирования было бы сложно, а принципиальным вопросом, позволяющим хотя бы частично осветить процесс перехода советского, а затем российского общества к состоянию «общества риска» (или какому-то другому состоянию), является распространение рефлексии по поводу

модернизации и формирование соответствующих принципов регулирования рисков в политико-административной сфере.

В данной работе мы не ставим перед собой задачу определить степень соответствия российского общества критериям «общества риска» или дать какую-то всеобъемлющую характеристику его качественного состояния. Однако логичными инструментами для поиска ответа на этот вопрос могли бы стать, в частности, анализ политического дискурса и динамики репрезентации риска в нем, содержания массовых коммуникаций и воспроизводимых в них образов риска, современного индивида и «рациональных» практик по регулированию рисков, а также, безусловно, содержание нормативных актов, определяющих понятие риска и регулирующих управление рисками.

Таким образом, мы предлагаем сосредоточиться на последней задаче — становлении понятия риска, его институционализации и формировании политики в отношении управления рисками в отечественном нормативно-правовом поле. При ее решении мы будем опираться на так называемый «правительственный подход» (*governmentality approach*), получивший в последние десятилетия распространение в зарубежных социологических исследованиях риска и основывающийся на идеях Мишеля Фуко (в первую очередь, на его лекциях, прочитанных во Франции и США в конце 1970-х гг.). Сам Фуко не уделял отдельного внимания проблеме риска, однако разработанные им концепции широко применяются для анализа социальных аспектов риска.

По мнению Фуко, «правительственность» (*governmentality*) — это особый управленческий подход к регулированию социальных отношений, возникший в постфеодальных государствах на основе принципов легитимного управления. Сам Фуко выделил три основных смысла понятия «правительственности»: во-первых, это «комплекс институтов, процедур, исследований и рассуждений, расчетов и тактик, обеспечивающих исполнение крайне специфического и очень сложного вида власти, которая в качестве основной цели использует население, основной формы знания — политическую экономию, а ключевого технического инструмента — системы безопасности» (Foucault 2007: 144); во-вторых — некую тенденцию, которая на протяжении длительного времени последовательно обеспечивала превалирование особого типа власти (*government*) над всеми остальными (суверенитет, дисциплина и т. д.) и «привела к формированию набора особых правительственных механизмов (*appareils*), с одной стороны, и особого набора знаний — с другой» (*ibid*); и в третьих — процесс, в результате которого в XV–XVI вв. произошло становление административного государства, которое в дальнейшем постепенно становится всё более «управленческим» (*gradually “governmentalized”*) (*ibidem*).

Население в рамках такого подхода рассматривается как «общество», «популяция», требующая специфического вмешательства, управления и защиты для максимизации богатства, благосостояния и продуктивности. В управлении эти принципы воплощаются в виде неолиберального подхода (Rose et al. 2006; Lupton 2013: 117; Гуринская 2014), подчеркивающего роль индивидуальной свободы и права, выступающего против интенсивного вмешательства государства, но одновременно контролирующего практически все сферы жизни и отношений современного человека.

Подобный подход требует и специфических инструментов измерения: демографических оценок, статистики рождаемости и браков, оценки продолжительности жизни и смертности. Социальные объекты — от индивидов до обществ — воспринимаются с точки зрения их полезности, управляемости, рациональности инвестиций. Для этого они подвергаются «нормализации», при помощи которой население и его подгруппы оцениваются с точки зрения определенных норм (например, статуса своего здоровья) (Lupton 2013: 116).

Сам риск регулируется с помощью разнородной сети акторов, институтов, знаний и практик. Информация о различных рисках собирается и анализируется бесчисленным множеством экспертов (Joseph 2010: 223) — медиков, социологов, статистиков, демографов, экологов, финансистов, страховщиков и др. Благодаря их усилиям риск становится просчитываемым и управляемым, а определенные группы признаются «группами риска» в той или иной степени. «Диспозитив риска» (Ardau, van Munster 2007: 91–98) порождает особое отношение к будущему, требует его мониторинга, попыток вычислить, что будущее может предложить, и с необходимостью контролировать и минимизировать потенциальные негативные эффекты. Будучи распространенным на все общество, он порождает децентрализованные и диверсифицированные стратегии, воплощенные не только в государственных институтах, но и в других социальных сферах — например, масс-медиа, воспроизводящих дискурс риска, его оценки, нормализации социальных субъектов и практик регулирования рисков.

Таким образом, население в рамках данной управленческой концепции подвергается мониторингу, измерению и оценке возможных рисков, перед лицом которых оно оказывается. С другой стороны, ему предоставляются технологии и практики регулирования рисков, позволяющие избежать негативных последствий, а также предьявляются стимулирующие позитивные результаты самодисциплины.

В случае, если стратегия самодисциплины не работает, в дело вступают технологии изоляции и прямого принуждения, однако в целом система направлена на то, чтобы сформировать автономного, саморегулирующегося индивида, стремящегося к самоактуализации. Такой индивид сам собою

управляет, сам осуществляет власть над собой, будучи заинтересованным в самосовершенствовании, счастье и здоровье (Dean 2007; 2010).

При этом однородность управленческого принципа не подразумевает узости управленческих стратегий. Исследователи различают как минимум три типа стратегий, каждая из которых по-своему рассчитывает специфические виды риска и по-своему его регулирует: страховочный риск, эпидемиологический риск и клинический риск (или кейс-менеджмент).

В рамках **страховочного** подхода риск рассматривается как просчитываемый и управляемый познаваемыми законами, является коллективным (относится скорее к популяции, чем к индивиду), а предметом риска является капитал (страхуется не травма или ущерб, а потеря капитала). В этом плане все может быть риском, и от всего можно застраховаться, если представить это событие как риск (иными словами, даже неудача может быть запланированной) (Ewald 1991: 203; Dean 1999). **Эпидемиологический** подход рассчитывает риск исходя из абстрактных факторов и встречаемости конкретных последствий для здоровья в целевых популяциях; его объектом является болезнь и смерть. Эпидемиологические техники предполагают применение статистических и скрининговых техник, поиск причинных факторов в попытке спрогнозировать исход для здоровья популяции и снизить риски для здоровья (Dean 1997: 218). **Клинический** подход (кейс-менеджмент риска) касается тех случаев, когда индивид признается опасным для социального порядка (преступники, психически больные, безработные, бездомные), в отношении которого в таком случае производится количественная оценка риска. Этот подход использует индивидуальные данные (интервью, анализ случаев, личных дел) и индивидуальную работу, проводимую специалистами (социальными работниками, медиками, полицейскими), и включает терапевтические и педагогические практики, сочетающие самопомощь с экспертной поддержкой, а также принудительную изоляцию (Dean 1997: 217–218).

Таким образом, предметом нашего анализа в рамках данной работы стали компоненты риск-регулирования в отечественных нормативных актах в советский период. По мнению некоторых авторов (Волкова 2014), исследование применения правительственного (*governmentality*) подхода в управленческих практиках представляет собой перспективное исследовательское направление. Учитывая, что примеры подобных работ в российских социальных исследованиях нам неизвестны, анализ динамики представления риска в нормативных документах может позволить понять, каким образом в наше общество через нормативное поле и административные регламенты происходило проникновение категории риска и компонентов риск-диспозитива.

Методология

В задачи данной работы входила оценка динамики упоминания категории «риск» в советских и международных нормативных актах, утвержденных и ратифицированных СССР, а также анализ характера употребления понятия «риск» в нормативных документах: определение риска, его природы, субъекта и объекта, подход к оценке и расчету риска, определению ответственности за него, применяемые в регулировании риска меры и субъекты их исполнения. Эти задачи решались нами при помощи двух методов — подсчета встречаемости категории «риск» в нормативных документах и последующего анализа этих документов.

Для оценки динамики частоты и характера употребления понятия «риск» в советском нормативном поле мы обратились к онлайн-базам нормативных документов «Консультант-Плюс» (<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>) и «Гарант» (<http://ivo.garant.ru>), отбирая при помощи поискового сервиса две категории нормативных документов: в первом случае слово «риск» встречалось в названиях нормативных документов, а во втором — в тексте. Для оценки динамики упоминания риска мы вычисляли не только абсолютные количественные показатели, но и относительное число документов с упоминанием риска в названии или тексте документа в расчете на общее число документов за исследуемый период.

Для определения характера упоминания риска, соответственно, производился анализ документа, причем не только той части, где непосредственно упоминается слово «риск», но и других разделов, что позволило содержательно оценить те подходы в регулировании риска, которые упоминаются в тексте. В тех случаях, когда непосредственно на портале базы данных нормативных документов сам текст отсутствовал, производился поиск полного текста нормативного акта на ведомственных сайтах и в других открытых базах правовых документов.

Результаты нашего анализа приведены с хронологической периодизацией и выделением трех этапов, различающихся между собой как содержанием категории риска, так и его ролью в социальных отношениях и управлении в частности.

Первая половина XX в.: страхование от внешних угроз

Было бы неверно утверждать, что понятие риска является изобретением новейшего времени: в советском нормативном дискурсе данный термин встречается еще во внутренних и международных актах начала XX в. (в том числе, например, в Версальском договоре), однако трактуется исключительно в «страховом» смысле — как вероятность материальных потерь в случае наступления неблагоприятных событий — и рассматривается в контексте механизмов и порядка компенсации понесенного ущерба.

Данный подход доминировал и на протяжении 1920-х гг., воплощаясь в соответствующих разделах множества декретов и постановлений, изданных советским правительством для регламентации отношений в различных сферах народного хозяйства и управления (сельского хозяйства, государственных поставок, перевозке пассажиров и грузов, коммуникаций и даже организации НИР для нужд промышленности), а также в международных конвенциях. В названиях нормативных документов риск впервые упоминается в декрете Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 августа 1923 г. «О предоставлении главному правлению государственного страхования права открыть операции страхования авиационных рисков»; впрочем, определения или описания рисков не дается и в нем.

Тем не менее, некоторые документы дают содержательное представление о трактовке риска в нормативном дискурсе. Например, международная конвенция о коносаменте в одном пункте перечня возможных причин потерь и убытков перечисляет «риски, опасности или случайности на море или в других судоходных водах» (Международная конвенция 1924), четко отделяя их от причин, вызванных поведением человека — будь то экипаж, правительства стран или «антиобщественные элементы».

Наиболее часто слово «риск» встречается в «Положении о государственном страховании СССР» от 18.09.1925 г., и хотя ни определения, ни перечисления рисков в нем также не приводится, в перечень страховых случаев включены поражение имущества огнем, падеж скота, поражение растительных культур, кражи со взломом, несчастные случаи и болезни — т. е. вновь внешние по отношению к объекту риска причины.

В 1930-х гг. в нормативное поле вошло понятие исполнения военного долга, сопряженного с риском для жизни, часто встречающееся в указах и постановлениях об учреждении государственных военных наград.

В разделе международных документов, ратифицированных советским правительством в 1930-е гг., риск в основном упоминался в контексте предотвращения несчастных случаев на производстве и регулирования ответственности за них. Интересный случай представляет конвенция об обязательствах судовладельцев, в которой явно разделяется ответственность от непредсказуемого несчастного случая на судне и негативными последствиями, наступившими либо за пределами судна, либо в результате сознательных действий пострадавших (Конвенция 1936: ст. 2, п. 1-2). Фактически здесь происходит двойное разделение сфер ответственности: в зависимости от «социального места» и в зависимости от субъекта наступившего негативного события. К категориям рисков в другой конвенции отнесена и безработица, однако и здесь уже выделяется одна группа, на которую перекладывается ответственность за самостоятельную борьбу с негативными последствиями — «лица нефизического труда» с высокими заработками (Конвенция 1934: ст. 2, п. 2.d).

В 1940-е гг. в нормативных актах нашла свое отражение и тематика военного риска (в том числе в конвенциях об обращении с военнопленными, а также в обосновании учреждения военных наград, связанных с риском для жизни). Регулирование рисков для здоровья, связанных с условиями труда, было распространено на детей и подростков, но в целом осталось в рамках страховочного подхода. Интересным случаем можно назвать применение в принятом соглашении международного банка реконструкции и развития компенсации банкам риска в отношении к займам, предоставляемым другими инвесторами (Статьи соглашения 1945: разд. 4, п. vi). На первый взгляд, этот подход напоминает концепцию неопределенности Ф. Найта, согласно которой прибыль является выигрышем за участие в деятельности с непредсказуемым результатом, однако на деле мы вновь видим здесь применение страховочного подхода, поскольку речь идет не о нестрахуемой неопределенности, а о статистически просчитываемом риске и назначении за него гарантированной компенсации.

В целом регулирование риска в отечественных нормативных актах первой половины XX в. — это скорее противостояние враждебным внешним обстоятельствам, вооруженное статистическими методами, попытка застраховаться и предугадать наступление негативных событий, измерить и определить опасность, исходящую из внешней среды, нежели активное управление генерируемыми рисками. Риск здесь трактуется либо в домодернистском ключе — как стихийное бедствие, обстоятельство непреодолимой силы, либо в стиле раннего модерна, как возможное негативное событие, имеющее внешнюю по отношению к человеку природу, но принципиально подверженное рациональным стратегиям определения вероятности, расчета шансов и некоторым практикам предотвращения или управления последствиями. Функция нормативных документов сводилась к определению субъекта и меры компенсации за последствия, которые связаны с наступлением негативного события.

1950-70-е гг.: расширение поля риска и формирование неолиберального подхода в международном праве

Первая декада второй половины XX столетия ознаменовалась распространением страховочного подхода к риску на все новые отрасли экономических отношений (купля-продажа и транспортировка различных категорий товаров, работа в определенных условиях труда, социальные гарантии для различных категорий работников) и интеграцией концепта риска в хозяйственно-правовую сферу путем регулирования рисков в разных форматах договоров и деления зон ответственности контрагентов.

В международном праве наиболее существенным нововведением оказалось образование в 1957 г. Европейского сообщества и принятие пакета

сопутствующих документов — учреждения Европейского экономического сообщества, инвестиционного банка, сообщества по атомной энергии. Возможно, впервые объектом риска формально выступило объединение государств, впервые возник тип риска, связанный с нарушением однородности и согласованности учреждаемого сообщества — риск, целиком порожаемый социальным субъектом — но самым важным является то, что крупный институциональный субъект риска одновременно выступил и его объектом.

Однако наиболее важным событием для интеграции риск-проблематики в правовое поле стал ничем, на первый взгляд, не примечательный документ, регламентирующий меры по предупреждению заболевания малярией в тех местностях, где она уже ликвидирована (Инструкция 1958). Точнее, речь идет о приложении, в котором приведена инструкция по применению лекарства (хиноцида) при лечении трехдневной малярии. В разделе о методике применения лекарства учреждениям здравоохранения предписывается назначать хиноцид «не позднее, чем за месяц до срока массовых проявлений свежих заболеваний в данной местности поголовно всем, кто подвергался риску заражения». Фактически в этом случае мы впервые сталкиваемся с практикой применения эпидемиологического подхода к риску, при котором объектом риска становится именно целевая популяция («группа риска») с определенными характеристиками, а регулирование риска строится на абстрактных факторах и направлено на *избегание* негативных событий, а не на *расчет компенсации* за их наступление.

К революционным изменениям правовой практики регулирования рисков внедрение эпидемиологического подхода не привело (хотя он продолжил применяться в сфере здравоохранения), и в 1960-е гг. в советских нормативных актах по-прежнему доминировало понятие риска, вызванного внешними факторами, от которых необходимо страховать. В случае же, если к негативным событиям привели действия самого субъекта, событие вместо «риска» классифицировалось как «вина».

В международном праве в 1960-е гг. расширилось число сфер, в которых риск трактуется с точки зрения «неолиберального» управленческого подхода — т. е. как нечто, регулируемое человеком и во все большей степени зависящее от него; причем речь идет как о технических и биологических рисках (потенциальный ядерный ущерб, защита работников от воздействия ионизирующей радиации, проведение медицинских исследований с участием человека, последствия аварий нефтеносных судов, организация производства пищевых продуктов), так и о социальных рисках — например, о рисках профессионального отбора, связанных с выбором неподходящей профессии и «бесплодной затратой учебных и человеческих усилий» (Рекомендация МОТ 1962: ст. V, п. 14.2) или о совсем неожиданных проблемах

образования франкоговорящих школьников в местностях Бельгии, говорящих на голландском языке, вынужденных посещать голландские школы, что создает для них «риски и трудности» (Постановление ЕСПЧ 1968).

Во многих из этих нормативных актов также применен эпидемиологический подход — например, в регуляции труда женщин в фертильном возрасте в условиях риска ионизирующей радиации, при оценке рисков здоровью потребителей пищевых продуктов или при определении целесообразности и этичности проведения медицинских исследований, если сопряженный с ними потенциальный (т. е. заранее рассчитанный на основе статистики) риск превышает потенциальную пользу для пациента.

Семидесятые годы знаменуются резким ростом числа нормативных актов, регламентирующих различные аспекты риска — как в отечественном, так и в нормативном правовом поле (см. табл. 1).

Таблица 1

Численные показатели упоминания рисков в названии или тексте нормативных документов (1910-80-е гг.)

	1910-1919	1920-1929	1930-1939	1940-1949	1950-1959	1960-1969	1970-1979	1980-1989
Нормативных документов всего в базе	628	6985	5845	3102	2353	5866	9463	16829
Нормативных документов с упоминанием рисков в тексте	4	40	20	11	38	58	291	666
— в расчете на 1000 документов	6,37	5,73	3,42	3,55	16,15	9,89	30,75	39,57
Нормативных документов с упоминанием рисков в названии	-	1	-	-	-	-	3	11
— в расчете на 1000 документов	-	0,14	-	-	-	-	0,32	0,65

В числе принятых актов необходимо упомянуть конвенцию и рекомендацию МОТ, в названии которой уже напрямую упомянут профессиональный риск, вызываемый загрязнением воздуха, шумом и вибрацией на рабочих местах (Конвенция МОТ 1977: разд. I, ст. 2, п. 1). Сам по себе термин «риск» не определяется в данном документе, однако в нем описываются те негативные воздействия, которые относятся к данной категории. Примечателен данный документ тем, как в нем воплощены основные принципы не-олиберального подхода к управлению рисками: самодисциплина, принцип превентивности, выделение факторов и групп риска. В частности, согласно новому подходу:

«1. Трудящиеся обязаны соблюдать правила техники безопасности, направленные на профилактику и ограничение профессиональных рисков, вызываемых загрязнением воздуха, шумом и вибрацией на рабочих местах, а также на защиту от них.

2. Трудящиеся или их представители имеют право давать предложения, получать информацию и профессиональную подготовку и обращаться в соответствующие органы для обеспечения защиты от профессиональных рисков, вызываемых загрязнением воздуха, шумом и вибрацией на рабочих местах» (Там же: разд. II, ст. 7, п. 1-2).

В данном определении мы видим применение классических принципов нелиберального подхода: пусть обозначенные факторы риска и являются по-прежнему внешними, сам объект риска ставится теперь в положение субъекта, который, будучи осведомлен о грозящих ему возможных негативных последствиях, может и должен самостоятельно предпринимать усилия по их избеганию, а также для превентивного устранения таких угроз предлагать меры, которые ему «изнутри» рискованной ситуации кажутся эффективными.

Таким образом, посредством принятия и применения, в первую очередь, международных правовых документов происходила интеграция нелиберальных управленческих принципов в советское нормативно-правовое поле, в основных аспектах весьма далекое от нелиберальной управленческой парадигмы.

В 1970-е гг. продолжилось распространение за пределы ведомственных медицинских инструкций эпидемиологического подхода, причем объектом регулирования («группами риска») стали не только демографические (дети, беременные) или географические, но и профессиональные группы (кожевники, охотники, пастухи, змееловы), могущие контактировать с опасными зоонозами (например, сибирской язвой) в силу специфики своей деятельности. Очевидно, что «объективно» работники данных категорий подвергались перечисленным угрозам давно, однако концептуализация их как «группы риска» и связанная с этим необходимость превентивных ветеринарных и санитарно-профилактических мероприятий характерны именно для «позднего модерна».

Отдельный интересный случай — профессиональная группа «лиц умственного труда», для которых характерны «эмоциональное напряжение в сочетании с гипокинезией» (Комплекс 1977), создающие повышенный риск сердечно-сосудистых заболеваний. Наиболее характерная черта данной группы — ее «конструирование» на основе статистических данных и установленного влияния неочевидных факторов (в отличие от «прямых» рисков передачи инфекционных заболеваний).

Еще одна статистически сконструированная «группа риска» — дети — кандидаты на усыновление, подверженные риску наследственной передачи

тяжелых заболеваний (Приказ Минздрава СССР 1977). Здесь проявляется одно из ключевых качеств «эпидемиологических» рисков — вместо индивидуального подхода к определению вероятности манифестации возможных заболеваний к представителю «группы риска» применяется статистическая вероятность, рассчитанная на основе данных о заболеваемости родителей и распространенная на всю группу детей. Таким образом, несмотря на то, что конкретный отдельно взятый представитель данной «группы риска» может никогда не проявить признаков наследственного заболевания, в условиях «популяционной» статистической вероятности он превентивно лишается возможности быть усыновленным на основании отнесения его к категории «носителей риска».

Также в 1970-е гг. расширяется перечень рисков, которые являются характерной особенностью «общества риска» — новых техногенных рисков, порожденных человеческой деятельностью и глобализацией, последствия которых труднопредсказуемы и могут наступить в неопределенной перспективе.

В частности, возникла необходимость регламентировать оценку отдаленных последствий радиоактивного облучения, риск завоза тропических паразитарных болезней из-за рубежа (в связи с интенсификацией международных связей), риски воздействия пищевых добавок на здоровье, трансграничного загрязнения воздуха и другие.

1980-е гг.: укрепление тенденций и конструирование новых групп риска

В 1980-е гг. усиливаются три обозначившиеся ранее тенденции: во-первых, продолжает расширяться регулирование рисков в различных сферах международных отношений, во-вторых, горизонтально (в виде новых отраслей, групп и сфер жизни) и вертикально (в виде появления административных регламентов и формирования соответствующих органов и инструментов) развивается применение эпидемиологического подхода в регулировании риска — как на международном, так и на государственном уровне, в третьих — развивается практика нормативного регулирования техногенных и антропогенных опасностей «общества риска».

Что касается первого пункта, то, в частности, повсеместное распространение получает регулирование международных финансовых рисков, воплощающееся в заключении двусторонних соглашений о содействии и защите капиталовложений. Подход к регулированию рисков в данных документах соответствует классическому «страховочному» принципу — подверженной риску считается социальная группа «инвесторов», а защите подлежит капитал. Примечателен только тот факт, что специальных защитных мер, согласно этим документам, требуют только некоммерческие риски капиталов-

вложений за рубежом — т. е. те риски, которые порождаются «другим» государством и «другими», социальными полями, отличными от экономического, не входя при этом в сферу непосредственного регулирования хозяйствующего агента.

По мере появления новых данных об опасности для здоровья работников тех или иных условий профессиональной деятельности в 1980 г. был значительно, по сравнению с 1964 г., расширен перечень профессиональных заболеваний, приведенный в приложении к Конвенции МОТ № 121 «О пособиях в случае производственного травматизма»: вместо 16 групп заболеваний в него были включены 29 групп. Расширяется и перечень экологических рисков, регулирование которых требует международной координации (трансграничная перевозка опасных отходов, ответственность за ущерб, причиненный радиационной аварией при перевозке отработанного ядерного топлива, охрана озонового слоя).

Одним из наиболее ярких (и небезыntenесных для социолога) примеров неолиберального подхода в нормативном регулировании является рекомендация № R (86) 14 комитета министров Совета Европы государствам-членам «О подготовке стратегии борьбы с курением, злоупотреблением алкогольными напитками и наркоманией в сотрудничестве с органами, проводящими опросы населения, и средствами массовой информации», в которой не только последовательно изложены ключевые неолиберальные принципы борьбы с вредными привычками, но также определены субъекты этой борьбы, их роль и принципы взаимодействия.

Напомним, что в соответствии с главными идеями неолиберального подхода, основным субъектом регулирования риска должны являться сами индивиды, а социальные институты, вместо прямого принуждения, должны создавать нормативную и информационную среду, которая бы благоприятствовала формированию желательных установок и практик. В частности, в рекомендации подчеркивается «необходимость *гибкой политики информирования и воспитания совместно* (курсив мой — Е. Ф.) с законодательными, нормативными и экономическими мерами содействия здоровому образу жизни и сокращению факторов риска», а главная роль отводится СМИ и опросам мнения, которые должны усилить «заинтересованность лиц в действиях по воспитанию здоровья и в других мерах решения данного вопроса» (Рекомендация 1986). В рамках «эпидемиологического подхода», которому соответствует политика, раскрываемая на страницах данного документа, определяются «группы риска», жизни и здоровью которых угрожают вредные привычки, и меры информационного и образовательного воздействия на них с последующим мониторингом эффективности. Принудительные и запретительные меры в этой стратегии также направлены только на препятствия, мешающие формированию благоприятных условий, — про-

паганду вредных привычек в той или иной форме (публичное курение, торговля и реклама алкогольной и табачной продукции), но не на сами практики и индивидов, их осуществляющих.

Вторая тенденция — распространение эпидемиологического подхода — проявилась в широком применении практик регулирования рисков заболеваемости, расширении перечня самих рисков и «групп риска», масштабной разработке и формализации мер по предупреждению негативных последствий (наблюдение, диспансеризация, профилактика) — всего в 1980-е гг. в СССР на государственном уровне было принято более 100 нормативных актов, так или иначе направленных на регулирование рисков в сфере здравоохранения.

Критериями отнесения к «группе риска» выступали не только социально-демографические (профессиональные занятия, наличие наркологической зависимости, венерического заболевания у индивида или в его ближайшем окружении, пожилой возраст или наличие тяжелого сопутствующего заболевания, донорство), но и географические характеристики индивидов — например, проживание на «населенных территориях» («ввиду повышенного эпидемического риска и опасности для здоровья населения»), в «природных очагах клещевого энцефалита», отдых на лечебных пляжах (и связанный с этим риск заражения кишечными инфекциями) или прохождение лечения в стационаре (в силу частых контактов в носителями инфекционных заболеваний).

Для всех этих категорий населения разрабатывались формальные критерии отнесения к ним, порядок и содержание процедур наблюдения и профилактического воздействия (в том числе воспитательного и информационного характера), а также условия перевода из категории «группы риска» в другие категории (вылечившихся или больных). Для обеспечения стандартизации работы были разработаны и утверждены соответствующие формы (например, довольно простая и общая форма N 131/у-86 — карта учета диспансеризации, в 2015 г. «разросшаяся» до детального перечня показателей, определяющих «факторы риска» здоровью населения) и инструкции. Например, должностная инструкция медицинской сестры кабинета пропаганды здорового образа жизни подразумевала разъяснение населению необходимости бороться с развитием различных общих факторов риска здоровью, вести пропаганду активного образа жизни и рационального питания, а также рекомендации по созданию и укреплению благоприятного психологического микроклимата (приказ Минздрава СССР 1986).

На основе нескольких факторов риска стали возникать комбинированные «группы риска» (например, профессионально-демографическая группа «женщины, занятые на производстве» или «беременные, работающие с источниками ионизированного излучения»), потребовавшие и новых страте-

гий работы с ними — выделение специального врача акушера-гинеколога, оказывающего медицинскую помощь на промышленных предприятиях; причем в понятие помощи в неолиберальном подходе включено и раннее выявление и диспансерное наблюдение беременных, проведение занятий по психопрофилактической и физической подготовке беременных к родам, обучение их в «Школе матерей», профилактика снижения абортот, проведение санитарно-просветительной работы и пр. (Приказ Минздрава СССР 1981).

Отдельным направлением интенсивного риск-регулирования в 1980-е гг. стала профилактика рисков здоровью у детей. Пожалуй, одним из наиболее иллюстративных примеров применения эпидемиологического подхода к регулированию этой проблемы являются утвержденные Минздравом СССР 30.12.1983 методические рекомендации № 11-14/27-6 по организации наблюдения и оздоровления детей групп риска в дошкольных учреждениях и в детских поликлиниках, где мы можем найти все классические элементы неолиберального подхода: и классификацию групп риска, и строгие формализованные критерии отнесения к ним, и необходимые процедуры и практики (в том числе рациональное питание и активный образ жизни), и инструменты оценки эффективности (в частности, ПЭО — показатель эффективности оздоровления). По аналогичной схеме были разработаны нормативные акты для регулирования перинатального риска, риска здоровью подростков, а обоснование с опорой на статистические данные и гуманистические принципы применения новых «мягких» подходов к охране и укреплению здоровья детей, приведенное в «Концепции дошкольного воспитания», одобренной решением коллегии Гособразования СССР 16.06.1989 № 7/1, и по сей день можно обнаружить на сайтах детских садов и региональных органов власти — во многих случаях даже без указания источника.

Отметим также, что не все медицинские риски автоматически подразумевали применение эпидемиологического подхода в регулировании: так, хорошим примером клинического подхода (кейс-менеджмента риска) является временная инструкция к приказу Минздрава СССР от 21 марта 1988 г. № 225 «О порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния», в которой как раз описаны меры в отношении потенциально опасных индивидов, критерии их выявления, а также определяются факторы риска общественно опасных психопатологий.

Наконец, продолжило развиваться и регулирование техногенных и антропогенных «новых» рисков «поздней модернизации». Одной из ключевых сфер, что неудивительно, в 1980-е гг. стала ядерная энергетика. В частности, в 1988 г. Совмин СССР издал распоряжение № 2198р «О создании Института проблем безопасного развития атомной энергетики Академии наук

СССР», которому, в частности, вменялась разработка «математических методов вероятностного анализа безопасности и оценки риска в атомной энергетике».

Кроме того, после того, как Верховный совет СССР издал постановление от 25 апреля 1990 г. № 1452-1 «О единой программе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и ситуации, связанной с этой аварией», где признал недостаточность принятых мер, в нормативное поле окончательно интегрировался радиационный риск: в сферу страхования решено было включить граждан, пострадавших от последствий Чернобыльской аварии (Постановление 1991а), а год спустя — распространить льготы, полагающиеся этой категории населения, на всех, кто подвержен радиационному риску (участников ядерных испытаний, работников подразделений по сборке ядерных зарядов, участников работ по захоронению радиоактивных веществ и др.) (Постановление 1991б).

Вполне ожидаемо в категорию рисков в 1980-е гг. начинает входить цифровая сфера: в начале 1981 г. в Страсбурге принята конвенция «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных», где в качестве риска указано «нарушение неприкосновенности частной жизни субъекта персональных данных». В 1989 г. Совет таможенного сотрудничества принимает в Вашингтоне декларацию «О согласовании/компьютеризации таможенных процедур и о стратегии на XXI век».

Помимо этого, в 1980-е гг. начинают регламентироваться технические требования к ЭВМ, устанавливаемым в школьных помещениях, определяется порядок мониторинга экологической обстановки в городах, меры по контролю распространения ВИЧ/ СПИД и других заболеваний, характерных для эпохи «позднего модерна».

Заключение

На наш взгляд, примечательной чертой всего советского периода стало то, что многие нормативные акты, по сути, представляли собой «импорт» международных правовых документов, вместе с которыми принимались классификация и технология управления рисками, а также интегрировались и более общие принципы риск-регулирования. Таким образом, внедрение в отечественную правовую практику элементов диспозитива риска на первом этапе происходило во многом благодаря интеграции международных нормативных стандартов в советское правовое поле.

На первом этапе, который мы ограничили первой половиной XX в., в советских нормативных актах преобладал домодернистский «страховочный» подход к риску, причем риск, как правило, трактовался как угроза внешнего характера, и единственной сферой ответственности социального субъекта была необходимость застраховать потенциальный рассчитанный ущерб

от наступления негативного события, а задача органов власти — регламентировать порядок ответственности за страховку и меры компенсации ущерба.

На втором этапе, наряду со становлением общества «позднего модерна» в 1960-е гг. и особенно резко в 1970-е гг. происходит расширение подходов и способов регулирования риска, и в конечном итоге меняется само отношение к риску — от явления, имеющего «внешнюю» природу, негативные последствия которого можно только компенсировать (страховой подход), к просчитываемой вероятности, складывающейся из действия абстрактных факторов и решений самих объектов риска, которые постепенно получают нормативное определение в качестве активных субъектов, действующих вполне в духе неолиберального подхода.

В эти же годы в отечественном нормативном поле возник и получил распространение эпидемиологический подход, определяющий разнообразные «группы риска», факторы риска, практики самодисциплины в отношении сконструированных демографических, географических и профессиональных групп.

Серьезно расширился и перечень рисков, характерных для обществ «позднего модерна» — в первую очередь, новых техногенных и глобальных рисков, которые трудно прогнозировать и регулировать. С этим связано и то, что интенсивному правовому регулированию подвергалась именно сфера международных отношений, где в силу разницы национальных институтов, правовых нормативных систем, ментальности и неформальных практик неизбежно возникали «серые зоны», требовавшие предметного и конкретного согласования позиций стран — участниц экономических, политических, юридических отношений. Кроме того, глобализация политических и экономических отношений, осознание всеобщего характера рисков и угроз, а также расширение сфер ответственности человечества также сформировали «запрос» на нормативное регулирование новых рисков.

Наконец, на третьем этапе, в 1980-е гг., регулирование рисков и применение неолиберальных принципов в управлении рисками распространяется во все большее число сфер жизни, конструирование групп риска становится сложнее, определяются субъекты регулирования риска, сочетающие в себе черты сразу нескольких социальных категорий. На этом же этапе развиваются, усложняются и становятся более конкретными и другие компоненты риск-диспозитива — специфические стандарты, нормы, процедуры, формы и практики оценки и регулирования рисков, формирующие среду, необходимую для принятия решений и выработки поведенческих практик в обществе риска.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении требуют изучения трансформации репрезентации риска в масс-медиа и обществен-

ном сознании, а также исследований динамики регулирования риска в нормативных актах постсоветского периода, однако данные проблемы должны стать темой отдельных работ.

Литература

Бек У. (2000) *Общество риска. На пути к другому модерну*. Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция.

Волкова О.Н. (2014) Властоментальность: к вопросу об определении объекта исследований. *Политическая концептология*, 2: 20–24.

Гуринская А.Л. (2014) Неолиберальная уголовная политика: безопасность, приватизация и роль государства. *Теории и проблемы политических исследований*, 1–2: 13–39.

Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. (2003) *Молодежь в обществе риска*. М.: Наука.

Ardaou C., van Munster R. (2007) Governing terrorism through risk: taking precautions, (un)knowing the future. *European journal of international relations*, 31(1): 89–115.

Beck U. (1994) The reinvention of politics: towards a theory of reflexive modernization. In: Beck U., Giddens A., Lash S. (eds.) *Reflexive modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge: Polity Press: 1–55.

Dean M. (2007) *Governing Societies: Political Perspectives on Domestic and International Rule*. Milton Keynes: Open University Press.

Dean M. (2010) Power at the heart of the present: exception, risk and sovereignty. *European Journal of Cultural Studies*, 13(4): 459–475.

Dean M. (1999) Risk, calculable and incalculable. In: Lupton D. (ed.) *Risk and Sociocultural Theory: New Directions and Perspectives*, Cambridge: Cambridge University Press: 131–159.

Dean M. (1997) Sociology after society. In: Owen D. (ed.) *Sociology after Post-modernism*, London: Sage: 205–228.

Ewald F. (1991) Insurance and risks. In: Burchell C., Cordon C., Miller P. (eds.) *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*. London: Harvester/Wheatsheaf: 197–210.

Foucault M. (2007) Security, territory, population: lectures at the Collège de France, 1977–78. In: *Michel Foucault*; ed. by Michel Senellart; general eds. F. Ewald and A. Fontana; transl. by G. Burchell. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan.

Joseph J. (2010) The limits of governmentality: social theory and the international. *European journal of international relations*, 16(2): 223–246.

Lupton D. (2013) *Risk*. NY: Routledge.

Rose N.S., O'Malley P., Valverde M. (2006) Governmentality. *Annual review of law & social science*, 2: 83–104.

Источники

Временная инструкция к приказу Минздрава СССР от 21 марта 1988 г. № 225 «О порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Декларация «О согласовании/ компьютеризации таможенных процедур и о стратегии на XXI век» (принята в г. Вашингтоне в 1989 году на 73-74-ой сессиях Совета таможенного сотрудничества). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24.09.1923 «О предоставлении главному правлению государственного страхования права открыть операции страхования авиационных рисков». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Инструкция по предупреждению возникновения заболеваний малярией в местностях, где малярия ликвидирована (утверждена Минздравом СССР 15.05.1958 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Комплекс исследования сердечно-сосудистой системы у лиц умственного труда. Методические рекомендации» (утв. Минздравом РСФСР 23.12.1977). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Конвенция Международной Организации Труда № 121 «О пособиях в случае производственного травматизма». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Конвенция Международной Организации Труда № 148 о защите трудящихся от профессионального риска, вызываемого загрязнением воздуха, шумом и вибрацией на рабочих местах (Женева, 20 июня 1977 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Конвенция Международной Организации Труда № 44 о пособиях лицам, являющимся безработными по независящим от них обстоятельствам (принята в г. Женеве 23.06.34 на 18-ой сессии генеральной конференции МОТ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Конвенция Международной Организации Труда № 55 об обязательствах судовладельца в случае болезни, травмы или смерти моряков (принята в г. Женеве 24.10.36 на 21-ой сессии генеральной конференции МОТ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге 28.01.1981). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Концепция дошкольного воспитания (одобрена решением коллегии Гособразования СССР 16.06.1989 № 7/1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 года (заключена в г. Брюсселе 25.08.1924). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Методические рекомендации № 11-14/27-6 по организации наблюдения и оздоровления детей групп риска в дошкольных учреждениях и в детских поликлиниках (утверждены Минздравом СССР 30.12.1983). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Положение о государственном страховании Союза Советских Социалистических Республик от 18.09.1925. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление Европейского суда по правам человека от 23.07.1968 «Дело “О некоторых аспектах законов об использовании языков в процессе обучения в Бельгии” против Бельгии». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление от 25 апреля 1990 г. № 1452-1 «О единой программе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и ситуации, связанной с этой аварией». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление от 27 декабря 1991 г. № 2123-1 «О распространении действия закона РСФСР “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” на граждан из подразделений особого риска». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление от 4 ноября 1991 г. № 581 «О государственном обязательном бесплатном личном страховании граждан, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, и лиц, командируемых в зоны с радиационным риском». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Приказ Минздрава СССР от 22.04.81 № 430 «Об утверждении инструктивно-методических указаний по организации работы женской консультации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Приказ Минздрава СССР от 30.05.86 № 770 «О порядке проведения всеобщей диспансеризации населения». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Приказ Минздрава СССР № 885 от 28.09.1977 «Об утверждении инструкции о порядке передачи детей и подростков на усыновление, под опеку (попечительство) и их медицинском обеспечении». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Распоряжение Совмина СССР № 2198р «О создании Института проблем безопасного развития атомной энергетики Академии наук СССР». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рекомендация Международной организации труда № 117 о профессиональном обучении (принята в г. Женеве 27.06.1962 на 46-ой сессии генеральной конференции МОТ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рекомендация № R (86) 14 комитета министров Совета Европы государствам-членам «О подготовке стратегии борьбы с курением, злоупотреблением алкогольными напитками и наркоманией в сотрудничестве с органами, проводящими опросы населения, и средствами массовой информации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Статьи соглашения Международного банка реконструкции и развития (приняты в г. Вашингтоне 27.12.1945). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

THE INSTITUTIONALIZATION OF THE NOTION OF 'RISK' AND RISK REGULATION IN THE SOVIET LEGISLATION

*Efim Fidrya**

The Institute for the Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Citation: Fidrya E. (2017) *Institutsionalizatsiya ponyatiya i regulirovaniye riska v sovet-skom normativnom pole* [The institutionalization of the notion of 'risk' and risk regulation in the Soviet legislation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(2): 40–61 (in Russian).

Abstract. In this paper the author handles the dynamics of use of the 'risk' category in the Soviet and international normative acts during the Soviet period. As a theoretical framework he employed the governmentality approach by M. Foucault, and U. Beck's 'risk society' framework. The author applies methods of the frequency count of the use of 'risk' category in the normative acts and provides the quantitative and substantial characterization of the representation dynamics of the 'risk' category and its regulation in the administrative and normative field.

The author distinguishes three stages in the risk representation in the normative field: the first half of the XX century, 50-70s and 80s. The early stage is characterized by the pre-modern risk image portrayed as an external threat, with the elements of the so-called 'insurance approach'. During the 50-70s risk was depicted as subjected to the active regulation within the normative field to be managed according to the principles of the neoliberal approach (avoiding risk by the social actors defined as subjected to this risk). On the third stage aforementioned tendencies gained further development; the practices of an international normative regulation of the new global anthropogenic risks are being developed, and in the Soviet normative field the epidemiological approach aimed at the preventive avoiding of the various threats in the socially constructed professional, demographic and geographic groups denoted on the basis of the statistically detected risk factors becomes widespread.

In conclusion the author argues that the specific "risk-dispositif" with its standards, norms, procedures, risk evaluation and risk regulation forms and practices has been formed in the Soviet normative field.

Keywords: risk society, normative acts, risk institutionalization, governmentality, neoliberal approach

* E-mail: EFidrya@kantiana.ru

References

Ardaу C., van Munster R. (2007) Governing terrorism through risk: taking precautions, (un)knowing the future. *European journal of international relations*, 31(1): 89–115.

Beck U. (1994) The reinvention of politics: towards a theory of reflexive modernization. In: Beck U., Giddens A., Lash S. (eds.). *Reflexive modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge: Polity Press: 1–55.

Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the way to another modernity]. Transl. from German. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Chuprov V.I., Zubok Y.A., Williams K. (2003) *Molodezh v obschestve riska* [Young people in a risk society], Moscow: Nauka (in Russian).

Dean M. (1997) Sociology after society. In: Owen D. (ed.). *Sociology after Postmodernism*, London: Sage: 205–228.

Dean M. (1999) Risk, calculable and incalculable. In: Lupton D. (ed.). *Risk and Sociocultural Theory: New Directions and Perspectives*, Cambridge: Cambridge University Press: 131–159.

Dean M. (2007) *Governing Societies: Political Perspectives on Domestic and International Rule*. Milton Keynes: Open University Press.

Dean M. (2010) Power at the heart of the present: exception, risk and sovereignty. *European Journal of Cultural Studies*, 13(4): 459–475.

Ewald F. (1991) Insurance and risks. In: Burchell C., Cordon C., Miller P. (eds.). *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*, London: Harvester/Wheatsheaf: 197–210.

Foucault M. (2007) Security, territory, population: lectures at the Collège de France, 1977–78. In: *Michel Foucault*, ed. by M. Senellart; general eds. F. Ewald and A. Fontana; transl. by G. Burchell. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan.

Gurinskaya A.L. (2014) Neoliberalnaya ugolovnaya politika: bezopasnost, privatizatsiya i rol gosudarstva [Neoliberal criminal policy: security, privatization and the role of the state]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and problems of the political studies], 1–2: 13–39.

Joseph J. (2010) The limits of governmentality: social theory and the international. *European journal of international relations*, 16(2): 223–246.

Lupton D. (2013) *Risk*. NY: Routledge.

Rose N.S., O'Malley P., Valverde M. (2006) Governmentality. *Annual review of law & social science*, 2: 83–104.

Volkova O.N. (2014) Vlastomentalnost: k voprosu ob opredelenii ob'ekta issledovaniy [Governmentality: on the defining of the research subject]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political conceptology], 2: 20–24 (in Russian).